

Ильинова Надежда Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и социологии
Адыгейского государственного университета

ВООБРАЖЕНИЕ И КОНТИНГЕНТНОСТЬ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ КОНСТРУКТИВИЗМА

Аннотация:

В статье анализируется взаимосвязь развития конструктивистской онтологии, опирающейся на феноменологический проект, и системного анализа, составляющего основу познания социокультурной реальности в неклассической философии. В центре – роль воображения в процессах включения будущего как модуса временности в конституирование актуальной, выраженной в настоящем и присутствующей реальности опыта сознания на индивидуальном и коллективном уровнях. Система как «онтологический субстантив» в своем эволюционировании направлена к закреплению механизма самоподдержания и самовыражения, связанного с автореференцией как самоописанием и полаганием собственного целостного образа (Лица), включенного в текущее настоящее.

Ключевые слова:

опыт сознания, феноменология, самореференция, когнитивная карта, смысловой образ, воображение, контингентность.

Ilyinova Nadezhda Aleksandrovna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Head of Philosophy and Sociology Department,
Adygea State University

IMAGINATION AND CONTINGENCY IN THE NON-CLASSICAL ONTOLOGY OF CONSTRUCTIVISM

Summary:

The article analyses relationship of the constructivist ontology development based on the phenomenological project and the system analysis as a basis of cognition of sociocultural reality in non-classical philosophy. The author focuses on the role of imagination in the inclusion of the future as a mode of temporality in the constitution of a current, expressed in the present, reality of consciousness experience at the individual and collective levels. System as an "ontological substantive" in its evolution aims to consolidate the mechanism of self-maintenance and self-expression associated with self-reference as a self-describing and positing of own complete image (Self) included in the current present.

Keywords:

experience of awareness, phenomenology, self-reference, cognitive map, semantic image, imagination, contingency.

Актуальность статьи определяется ведущей ролью темы времени в философии как классического периода ее исторического развития, так и современного, модернистского (в широком смысле слова), полагающего именно время основным коррелятом опыта сознания как основания антропологической реальности и реальности образа самого мира, открываемого в потоке познания. В качестве цели рассматривается взаимосвязь развития конструктивистской онтологии, опирающейся на феноменологический проект, и системного анализа, составляющего основу познания социокультурной реальности в неклассической философии. Новизна исследования заключается в рассмотрении контингентности как чистого феномена смысла.

Трансформация темы времени в неклассической онтологии была связана главным образом с кардинальным переосмыслением основных способов выражения временности – прошлого, настоящего и будущего. Феномен контингентности, о котором далее пойдет речь в связи с обращением философии к воображению, как раз и представляет собой итог такого осмысления. А именно: будущее активно включается в процесс самоконституирования опыта сознания (коллективного и партикулярного), становится непосредственным участником в создании актуального, настоящего, присутствующего мира культуры, социальности. Анализ систем, составляющий значительную долю в развитии современной эпистемологии, гносеологии и онтологии, во многом опирается именно на действие механизма воображения, который полагает будущее в качестве уже выраженного в настоящем образа целостной и уникальной аффирмативной реальности «я» («мы»).

Об этой фундаментальной специфике конструктивизма как своеобразного феноменализма, в котором воображению отводится ведущая роль, очень хорошо пишет Н. Гудмен. Анализируя «логическую» теорию позитивиста Р. Карнапа и показывая преимущества той стратегии систематизации знания и самой формальной логики, которая не ищет окончательной и предельной полноты аргументационного круга (круга доказательств, данных и значений), Гудмен подчеркивает: «...Если нам безразлично, отражают ли этапы в рамках системы соответствующие этапы в познании, то нам безразлично и то, отталкивается ли система от изначально данного. Функция системы заключается не в том, чтобы изобразить происхождение – действительное или гипотетическое – идей, но в том, чтобы выявить взаимосвязи между ними. Поэтому при выборе элементов для системы играют роль не соображения первичности в познавательном процессе, но соображения инструментальной пригодности в качестве основы для экономной, понятной и интегрированной системы» [1, с. 264]. Конечно, в таком толковании феноменалистичности конструкции

чувствуется след мировоззренческого прагматизма, печатью которого отмечена вообще вся американская философия и социокультурный опыт (Дж. Келли о прагматическом крене новейшей онтологии пишет прямо). Но в то же время и классический западный трансцендентализм, из которого выросла новейшая онтология и теория познания, также несет в себе мощный заряд практического ориентированного и, соответственно, аксиологически ранжированного мышления.

Достаточно вспомнить знаменитое определение «целесообразности вообще», которое дает Кант. В нем практическая полезность присутствует с обратным значением, для суждения о красоте в ней нет необходимости. Но такое толкование само по себе также есть аргумент телеологического акцента в объяснении сущности формы предмета. То есть красота не дедуцируется из «красок», «холста» и «кистей» художника, она существует сама по себе как феномен, как *самоданное* в своей полноте, выраженной и присутствующей *сразу и во всем*. «Цель есть предмет понятия, поскольку понятие рассматривается как причина этого предмета (как реальное основание его возможности, – подчеркивает Кант)... Там, где мы не только познание предмета, но и сам предмет (его форму и существование) как действие мыслим как возможное только через понятие об этом действии, – там мыслим мы себе и цель. Представление о действии есть здесь определяющее основание его причины и предшествует последней. Сознание каузальности некоторого представления в отношении состояния субъекта... может здесь в общем обозначить то, что называют удовольствием» [2, с. 222]. Переведенные на язык современной конструктивистской философии идеи классического диалектического и трансцендентального образа реальности сознания оказываются идеями, выражающими суть *организации системы*, причем системы любой реальности, не только мышления. Но что самое интересное и существенное – автономность и самоутвердительность любой системы рассматривается в конструктивизме как производное состояние *саморазличения* системы, которое как смыслообразование подобно самоосмыслению или, даже лучше сказать, самочтению, самоописанию посредством выделения *своей* среды, своей линии информативного наполнения и т. п.

Об этом свойстве системы как всецело суверенной бытийствующей организации пишет Ф. Варела, переводя фактически на модернистский операционалистский язык идеи спекулятивного диалектического синтеза самосознания. Предлагаем внимательнее присмотреться к определению автономной системы, которое приводит Варела. Оно явно напоминает определение *круга* самосознания из гегелевской феноменологии и логики: «Организационно закрытая единица целостности (unity) определяется в качестве составной целостности сетью взаимодействий ее составных частей, которые (а) посредством взаимных контактов рекурсивно воссоздают сеть тех взаимодействий, которые их же произвели, и (б) актуализируют данную сеть как некое единство в пространстве, в котором существуют данные составные части, таким образом, что конституируют и специфицируют границы целостности как акт обособления от фона» [3]. Конструктивизм оказывается существенно близким, даже родственным, кибернетизму и вообще тому мировоззренческому настрою современности, который мыслит человека (и во многом справедливо) как существо самосозидаемое. На эту близость и родство кибернетизма и конструктивизма указывает в своем исследовании и отечественный исследователь Е.Н. Князева. Причем эта близость имеет прямое отношение к воображению, так как «циклическая причинность», о которой пишет Е.Н. Князева, подобна «герменевтическому кругу» и методу самодвижения спекулятивного знания и опирается именно на то, что полагается образ целого (образ «я» как основа опыта), синтезирующий через воображение налично данное настоящее и волнообразный горизонт опыта, описанный в феноменологическом проекте Гуссерля.

На факт существенной преемственности конструктивизма по отношению к феноменологическому проекту указывает в своем исследовании и Е.В. Золотухина-Аболина [4, с. 12], что не удивительно, так как именно Гуссерль фактически первый приходит к выводу о том, что единственный путь к раскрытию *актуального единства* и данности *«теперь»* сознания – это растяжение «теперь» в прошлое и будущее. В соответствии с выводами феноменологии сознание не только интенционально, но и *феноменалистично*. Имманентное временение как основа жизни сознания есть делящийся волнообразный горизонт, а не шкала, в которой само дление просто-напросто исчезает. Опыт сознания как опыт наличного присутствия в охвате целого (иного) может быть только таким растянутым длением. Попытки всецело его отождествить с настоящим как точкой (сogito) приводят к элиминации стяжения «я». *Будущее, таким образом, оказывается не тем, что всего лишь как-то предчувствуется или планируется, а тем, что реально вовлечено в процесс идентичности и тождественности текущего настоящего опыта субъективности, мышления*. Будущее как участник самосознания, диалога «я» контингентно и есть «условие» самого указанного выше различия смысла или, проще говоря, самого смысла, который *явлен* в своей девственной первичности. А с учетом того, что уже Гуссерль рассматривал опыт сознания, его интенциональность как основание intersубъективности, понятно, что настоящий наличный опыт сознания есть его диалогическая и полилогическая вовлеченность в коммуникативную культуротворческую среду, деятельность, производством, смысловой и информативный

обмен, творчество, познание и т. п. – все то, что образует и мир повседневности, и горизонт присутствия «я» в мире в целом. И вот тут как раз пункт конструктивистского эволюционирования изначально феноменологической мысли и толкования воображения.

Циклическая причинность конституирует феноменальность самого конструкта и, соответственно, недвусмысленно говорит нам о роли воображения, без которого нельзя найти иные основания соотношения сознания с миром вообще. Данный тезис можно раздвинуть еще шире и сказать следующее: отражение как старейший для философии и науки принцип «работы» сознания на самом деле сам опирается на воображение. Или, точнее, воображение и отражение суть моменты единого процесса – закрепления устойчивого присутствия сознания в мире. Как пишет Е.Н. Князева, «логика рассуждений ведет к соответствующему пониманию человека как наблюдающего и теоретизирующего существа. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает наблюдателя. Наблюдатель, наблюдаемый процесс и процесс наблюдения образуют неразложимое единство. Нет наблюдения без наблюдателя. Нет языка без носителя языка: язык – и продукт говорящего, и его создатель. Язык творится людьми и творит их. Язык говорит в нас и через нас, строит нас, будучи нашим порождением. Конструируя мир, человек конструирует самого себя. А конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Это – креативный цикл» [5, с. 136].

Понять ту конкретную роль, которую играет воображение в конституировании общего континуума сознания и мира эмпирического содержания культуры, общественной жизни в соответствии с конструктивистской мыслью, и оценить содержательно преемственность по отношению к исследованию воображения в рамках выявления имманентной структуры опыта сознания в феноменологии или экзистенциальной герменевтике можно прежде всего с учетом введенных понятий «*контингенция*» и «самореференция», или «*аутопойезис*» (Н. Луман, У. Найсер и др.). «Одним из первых ученых, кто стал последовательно вводить представления теории сложных самоорганизующихся систем и теории автопойезиса в социальную философию, был Никлас Луман... Он говорил об операциональной замкнутости социальных систем и об их структурном сопряжении, об их **самореферентности** (циклической организации) и контакте с внешним миром (инореференции), об их трансформации через интерактивность, коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию. В знаменитый тезис К. Маркса “люди сами делают свою историю” современный социальный конструктивизм вносит важную поправку: человек конструирует» [6, с. 138].

Под контингенцией, например, в теории систем Н. Лумана как раз и подразумевается то ключевое измерение опыта сознания, которое уже у Гуссерля и его преемников получило свое обоснование на уровне исследования имманентных структур сказывания и временения, конституирующих *горизонт опыта*. А именно: совершенно особый род причинности, который не сводим ни к телеологизму, понимаемому традиционно, ни к механистической причинности, ни к какой-либо вообще причинности, если под последней понимать *действие* внешних или даже внутренних факторов, условий, обстоятельств, «материи» и т. п.

Причинность как таковая умаляет и фактически устраняет феномен как то, *что само себя являет и только так бытийствует*. Контингентность – это чистый *феномен смысла*, как выражается сам Луман. Будучи *феноменом*, смысл есть то, в чем нельзя различить, разграничить производящее от производимого, означающее от означаемого. Смысл есть то, что воображается, и то, что само себя *таким образом* воображает (в работе Е.Н. Князевой этот вид причинности был назван, как мы отметили выше, «циклическим»). Конструктивизм здесь также близок структурализму и даже постструктурализму.

Это системное качество, которое, собственно, эту систему конституирует как в себе завершенное и целое, но также и знающее себя в этой своей уникальной являемости самому себе (равно как и всякому другому, миру). Каким образом конституирует? Определяет через собственное присутствие, означаемое самим фактом указания, границу поля *возможных* сравнений, характеристик, интерпретаций, всяческих определений и т. п. Не случайно Луман вслед за Варелой и Матураной именует это качество «аутопойезисом» (в другой транскрипции «аутопозом») – понятно, что такое самоозначивание близко Рикеровской «ко-референции»: «Самодвижение феномена смысла является аутопойезисом по преимуществу. На этой основе всякое событие (сколь бы кратким оно ни было) может приобрести смысл и стать элементом системы. Тем самым утверждается ...закрытость взаимных указаний в процессе самовоспроизводства» [7, с. 106].

Как мы помним, еще у Гуссерля ноэма временения (как присутствующего «теперь-сознания») превратилась по сути в *поэму*. Для пояснения здесь можно привести такой грубоватый пример: поток шума превращается в некую первичную информацию (например, музыку или идентифицируемые звуки языка) и в этой первичности уже задан и отождествлен смысл или код данного *образования* – быть просто самим собой (некоторой обособленной выделенной предметностью, сущим). Определение такой обособленности может носить тавтологичный характер, который, несмотря на свою тривиальность, позволяет лучше понять стратегию всей современной онтогносеологии. Данная первичность воображается и только потом ложится «на бумагу». Актуальное

единство «я» – это не то, что где-то кем-то строится. Оно само нарождается чистым потоком различия и в этом различии полагает собственную меру присутствия, свой предел, самое себя.

Лучше понять это самонарождающееся различие в воображающей перспективе образа помогает понятие «когнитивная карта», которое предложил в своей концепции У. Найссер. Конструирование реальности нельзя рассматривать как процесс создания воображением чего-то физически (эмпирически, чувственно) существующего. Такая интерпретация в своей плоскостности и примитивности далека даже от процессов культуросозидания в мифах. Речь идет совсем о другом – воображение полагает *сущее* как то, что выражено в самой своей *форме* или пределе как таковом. Мир Возможного, протуберанцы которого создают актуальный горизонт «я» в его *единстве*, через активность самоописывающего (самореферирующего) действия сознания получает доступ к самому же себе как ставшему, действительному, *узнающему и знающему* самое себя. Проведение различия или полагание формы как тождества такого сущего Найссер именует когнитивной картой. Метафора карты и картографии здесь далеко не случайна: terra incognita именно открывается в процессе вырисовывания карты, который есть не что иное, как именование и означивание Возможного и тем самым приведение его к знаменателю уже известного. В художественном творчестве это проявляется ярче и сильнее всего. К примеру, итальянские и французские садовники эпохи барокко создавали парк как мир сознания из дикой хаотичной природы (леса, болота и т. д.). О специфике искусства барокко с точки зрения онтологизирующей роли воображения и сознания вообще пишет Жиль Делез: «...Отличительная черта барокко заключается и не во впадении в иллюзию, и не в выходе из нее, а в реализации некоторого явления внутри самой иллюзии или же в сообщении ей некоего духовного *здесь-бытия*, возвращающего ее [Вселенной, универсума в целом] частям и кусочкам какое-то совокупное единство» [8, с. 218].

Как пишет сам Найссер, «когнитивные карты и схемы объектов, которые проявляются как образы, когда они выступают самостоятельно, смешиваются с актами локомоции и восприятия, если они возникают уже в процессе осуществляющейся активности. Они являются лишь компонентами перцептивного цикла, но не всем циклом и не его объектом. Когда же они возникают отдельно от всего остального, то переживаемое нами представляет собой воображение, а не видение. ...Образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов, поскольку восприятие по своей сути не сводится в первую очередь к получению перцептов. Образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения» [9, с. 145].

То есть, другими словами, контингентность есть «свойство» сознания, вообще человека, которое, видимо, в классической философии рассматривалось на уровне проблемы оснований свободы сознания (мышления) и его самоутвердительности. Свобода оказывается ситуацией рождения смысла – смысла быть и являться как означивание Возможного в ряду бесконечного множества Иного возможного. Как пишет Луман, «смысл указывает на дальнейший смысл. Циркулярная закрытость этих указаний предстает в своем единстве как конечный горизонт всякого смысла – как *мир*. Поэтому мир обладает такой же неизбежностью и неотрицаемостью, какой и смысл. Любая попытка мысленно переступить смысл лишь расширяет его; она должна учитывать смысл и мир и поэтому быть тем, чем стремится не быть» [10, с. 109–110]. В таком толковании смысла и универсума конструктивисты оказываются в большей степени оптимистами, нежели тот же Сартр, который отказывал «для-себя-бытию» в возможности замыкаться на некоторое конечное множество самоопределений. Конечное для Сартра оставалось признаком онтологической ущербности, тогда как на самом деле конечность в данном случае есть признак или свидетельство собственного предела, тождества, того, что Луман именует феноменом, опирающимся на автореференцирование (аутопозис).

Ссылки:

1. Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Т.А. Дмитриева. М., 2001. 376 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 5. М., 1966. 564 с.
3. Варела Ф. Автономность и аутопоз [Электронный ресурс]. URL: http://v2.circleplus.ru/info/52/Franticisco_Varela2.doc (дата обращения: 08.10.2016).
4. Золотухина-Аболина Е.В. Реальное или вымышленное? Размышления философа. Саарбрюккен, 2011. 308 с.
5. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М., 2006. С. 134–153.
6. Там же. С. 138.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб., 2007. 648 с.
8. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / общ. ред. и послесл. В.А. Подороги ; пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 1997. 264 с.
9. Найссер У. Познание и реальность : пер. с англ. М., 1981. 232 с.
10. Луман Н. Указ. соч. С. 109–110.

References:

- Deleuze, G 1997, *Fold. Leibniz and the Baroque*, Moscow, 264 p., (in Russian).
- Goodman, N 2001, *Ways of Worlds*, Moscow, 376 p., (in Russian).
- Kant, I 1966, 'Critique of Judgment', *Works: in 6 vols*, vol. 5, Moscow, 564 p., (in Russian).
- Knyazev, EN 2006, 'Epistemological constructivism', *Philosophy of Science*, vol. 12: The phenomenon of consciousness, Moscow, pp. 134-153, (in Russian).
- Luhmann, N 2007, *Social system. Essay on the general theory*, St. Petersburg, 648 p., (in Russian).
- Neisser, U 1981, *Cognition and Reality*, Moscow, 232 p., (in Russian).
- Varela, F 2016, *Autonomy and autopoiesis*, viewed 10 August 2016, <http://v2.circleplus.ru/info/52/Francisko_Varela2.doc>, (in Russian).
- Zolotukhina-Abolina, EV 2011, *Real or fictional? Reflections philosopher*, Saarbrücken, 308 p., (in Russian).